

ТРАДИЦИОННЫЙ ЛУБОК: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ЭСТЕТИКИ И ПОЭТИКИ

А.И. РЕЙТБЛАТ
(Москва)

ЛУБОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР

Взаимоотношения фольклора (как устной словесности) и литературы (как словесности письменной) неоднократно становились предметом рассмотрения в отечественной науке¹. Исследователи не раз фиксировали близость их поэтики и социальных функций, отмечая также, что «на основе богатейшей поэтической сокровищницы фольклора в значительной степени и возникла первоначально русская письменная литература»². В дальнейшем литература постоянно «подпитывалась» от фольклора: фольклорные сюжеты, образы, словесные формулы заимствовались писателями, подвергаясь при этом творческой переработке, направленной на решение авторских художественных задач. С другой стороны, и в фольклор время от времени проникали литературные сюжеты, адаптируемые и приспособляемые для устного распространения. В одних жанрах (например, песня, сказка) такой взаимообмен шел довольно интенсивно, в других (например, загадка в фольклоре и бытовой роман в литературе) — он практически отсутствовал. В то же время, как резюмирует автор одной из последних монографий по данной теме, «дифференцирующими факторами, отграничивающими фольклор от литературы, обычно признаются: устность происхождения и бытования, изменяемость текста, устойчивая традиционность и нормативность поэтических понятий, стереотипия образности художественного языка (тропов и фигур), постоянство сюжетно-поэтических ситуаций и общих мест... Одной из главных "примет" народного творчества является его коллек-

тивность... Коллективность выражается... в деиндивидуализации творчества...»³. Основой для подобных выводов стал сопоставительный анализ поэтики и механизмов функционирования фольклора и литературы — на основе сравнения как конкретных произведений, так и сконструированных идеально-типических моделей, репрезентирующих каждый из этих видов искусства.

Под литературой понимается, как правило (по крайней мере применительно к XIX—XX вв.), литература «высокая», «настоящая», элитарная. В то же время в русской литературе XIX — начала XX в. были и иные слои: «средний» (В.Г. Белинский называл его *беллетристической литературой*, англоязычные исследователи используют термин *lowbrow literature*), а также «низовой» (так называемая *лубочная литература*). В библиографическом указателе публикаций по русскому фольклору за 1981—1985 гг. зарегистрировано 462 работы о связях литературы XIX—XX вв. с фольклором⁴. Подавляющее большинство — о классике, о писателях признанных, известных, «ведущих»⁵, а литературе «массовой», лубочной посвящено лишь около двух десятков работ, что составляет 3—4% общего массива⁶. Нам же представляется, что подобная литература гораздо теснее связана с фольклором, значительно ближе к нему, чем литература высокая. Причина в том, что читатели низовой литературы из-за своего происхождения и образа жизни либо в полной мере погружены в фольклорную культуру, либо только недавно стали отдаляться от нее. Сошлюсь на исследование Е.В. Душечкиной, которая показала, что «литературный жанр святочного рассказа живет по законам фольклорной и ритуальной "эстетики тождества", ориентируясь на канон и штамп — устойчивый комплекс стилистических, сюжетных и тематических элементов, переход которых из текста в

текст не только не вызывает раздражения у читательской массы, но, наоборот, доставляет удовольствие»⁷. Святочный рассказ носит календарный характер, он имитирует устную речь и стремится создать обстановку «святочной беседы», что также сближает его с фольклором⁸. И тот факт, что литературоведы и фольклористы, занимающиеся изучением взаимоотношений литературы и фольклора, исключительно редко обращаются к «массовой» и лубочной книге, можно объяснить только двумя обуславливающими друг друга причинами: малой изученностью лубочной словесности и снобистски-пренебрежительным отношением к ней как к глупой, пошлой, малохудожественной, недостойной включения в понятие *литература*.

В данной работе, отнюдь не претендующей на сколько-нибудь полный и глубокий охват проблемы, нам хотелось бы лишь продемонстрировать важность и актуальность изучения взаимосвязей лубочной литературы и фольклора. Эти взаимосвязи имеют настолько своеобразный характер, что заставляют во многом скорректировать сложившиеся представления о соотношении фольклора и литературы. Вторая наша цель — наметить основные аспекты связей фольклора с лубочной словесностью.

Лубочной литературой мы именуем книги, выпускавшиеся коммерческими издателями для низового читателя, имевшие, как правило, сравнительно небольшой объем и картинку на обложке⁹. Возник этот тип литературы в конце XVIII в., а уже в середине XIX в. достаточно четко отделился от литературы для стоящих более высоко в социальном и культурном отношении слоев населения. У лубочной литературы были свои авторы, свои издатели и, что самое важное, своя сеть распространения, состоявшая из большого числа бродячих торговцев-офень, разносивших книги по деревням и небольшим провинциальным городам.

Отношения лубочной литературы с фольклором весьма специфичны. Тут не релевантны многие оппозиции, которые используются исследователями при противо-

поставлении литературы и фольклора. Начнем с такой фундаментальной оппозиции, как *устное / письменное*. Обычно устное жестко закрепляется за фольклором, а письменное за литературой. Но применительно к лубочной литературе это не совсем так. Чаще всего лубочная литература воспринималась на слух, большинство крестьян знакомились с ней именно таким образом, поскольку были неграмотны. Прочитываю лишь несколько свидетельств, хотя число их можно легко увеличить. Крестьянин из Калужской губ. писал в 1889 г.: «Для совместного чтения у нас удобное время весна, потому что тепло, народ выходит на улицу, кто-нибудь выносит книгу, начинают читать, и со всех сторон собираются слушатели»¹⁰. Сельский учитель из Рязанской губ. сообщал в 1891 г., что в

Отношения лубочной литературы с фольклором весьма специфичны. Тут не релевантны многие оппозиции, которые используются исследователями при противопоставлении литературы и фольклора.

деревне «женщины большей частью слушают, как читают их дети, внуки, братья и проч.»¹¹. Лубочный писатель И.С. Ивин, вспоминая о своей юности в конце 1860-х гг., когда он работал на подмосковной ткацкой фабрике, писал:

«Фабричные, узнав, что я хорошо читаю, стали наперерыв друг перед другом доставать мне различные книжки, разумеется лубочных изданий, и заставляли меня читать, а сами слушали. Здесь я впервые ознакомился с Бовой Королевичем, Ерусланом Лазаревичем, Гуаком, Францылем и прочими... За чтение меня фабричные хвалили и сами со мной восхищались богатырями и героями»¹². М.П. Петров, который в конце 1880-х гг. в двенадцатилетнем возрасте работал на котельном заводе, вспоминал об этом времени: «Обыкновенно вечером рабочие усаживались вокруг меня, и я читал вслух про Бову Королевича, Еруслана Лазаревича, но большей популярностью пользовалась "Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная Селима, умирающая на гробе своего мужа"»¹³.

Кроме того, в лубочных изданиях нередко воспроизводится ситуация, когда рассказчик излагает слушателям какую-либо историю. Назову, например, книги Ф.М. Исаева: «Сказка о славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче... рассказанная дедом

своим внучатам Ф.М. Исаевым» (М., 1858), «История о храбром рыцаре Францыле Венциане... С некоторыми изменениями рассказанная Ф.М. Исаевым» (М., 1861). Протицирую зачин последней: «То, что я хочу рассказать здесь, происходило давно, очень давно; что же касается до справедливости событий, то я не могу достоверно поручиться — была это или сказка; читатель сам рассудить может; мое же намерение передать всё это так, как я сам слышал»¹⁴. Таким образом, Исаев выдает себя лишь за простого фиксатора истории, на письме запечатлевающего слышанное. Другую свою книгу он заключает словами: «Мне остается только попросить читателей, чтобы они позволили мне заключить этим рассказ мой и сказать конец»¹⁵. В книге «О семи Семионах, родных братьях» (М., 1859) Исаев даже вводит фигуру рассказчика — отставного солдата Ефремова.

В.М. Жирмунский более чем полстолетия назад справедливо писал (применительно к западноевропейской словесности) о том, что «устный характер поэтической традиции является производным, сопутствующим признаком фольклорного творчества, связанным с его архаическим, реликтовым характером, притом отнюдь не постоянным и принципиально обязательным: понятие устного творчества одновременно и шире и уже, чем понятие фольклора. Так, поэтическое творчество раннего феодализма на Западе, в связи с узкоклерикальным характером письменности, носило, по преимуществу, устный характер; но героическая песня германского дружинного певца... вовсе не является фольклорным искусством; еще меньше это можно предположить о любовной лирике трубадуров или миннезингеров в эпоху расцвета феодализма, несмотря на господство устной традиции. С другой стороны, какой-нибудь лубочный роман, "народная книга" (Volksbuch) о Тристане или Зигфриде, продающаяся на деревенских ярмарках, является письменным реликтом эпохи феодализма, бытующим среди современного крестьянства, то есть явлением поэтического фольклора, несмотря на раннюю фиксацию в письменной форме, как и "мещанские романсы" книжного происхождения, проникающие в крестьянскую среду из печатных и рукописных песенников»¹⁶.

Еще одно привычное противопоставление: *вариативность* фольклорных текстов и *неизменность* текстов литературных. Но оно также неверно применительно к лубочной литературе, поскольку здесь отсутствовала каноническая версия текста. Наиболее популярные произведения существовали тут в большом числе вариантов, причем с течением времени текст каждого варианта непрерывно редактировался, язык его подновлялся и т.д. Подобная вариативность была связана как минимум с двумя обстоятельствами. Во-первых, с различиями в образовательном и культурном уровне читателей: одним предлагалась полная версия, другим — сокращенная, более простая и более дешевая. Во-вторых, играло свою роль и авторское право: чтобы не быть обвиненным в плагиате, каждый издатель печатал свою версию популярного сюжета, текстуально отличающуюся от других. В.Д. Кузьмина в своей книге насчитывает около десятка различных редакций «Повести о Бове Королевиче», Л.Н. Пушкирев выделяет шесть редакций «Сказки о Еруслане Лазаревиче» и т.д.¹⁷. То же происходило со многими другими лубочными книгами, причем не только переводными, но и принадлежащими отечественным литераторам. Приведу в качестве примера роман Н.И. Зряхова «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа». Впервые он вышел в 1840 г., имел большой успех и неоднократно переиздавался. При этом текст его от издания к изданию менялся, причем одновременно издавались разные редакции. Например, в издании 1875 г. автор не был указан, а значилось только, что это переделка, осуществленная Н.П. Мироновым.

Тут мы уже переходим к третьей оппозиции, в которую также не вписывается лубочная литература. Принято считать, что фольклор *анонимен*, а в литературе выражено и зафиксировано *авторское начало*. Но в лубочной книжности большинство изданий выходило без обозначения автора. По нашим подсчетам, проведенным по достаточно полному указателю книг для народа, в 1893 г. из числа 131 выпущенной лубочными издателями сюжетной повествовательной книги (романы, повести, расска-

зы, сказки) лишь в 30% был обозначен автор, остальные вышли анонимно, в том числе: «Смерть на червонцах», «Жертва злодеев», «Красавица Жанна, или Повесть о страданиях несчастной жены», «Вольный казак», «Ванька ротозей», «Ай да Ярославцы! Вот так народец!», «Страшный змей Горыныч», «Царь Василий Иванович Шуйский, или Русские в 1606 году» и др.¹⁸ Если же автор и был назван в лубочных книгах, то крестьянские читатели, судя по многочисленным свидетельствам, не обращали на него внимания и не запоминали его фамилию.

До сих пор речь шла только о сходстве лубочной литературы и фольклора в характере их функционирования (тут можно было бы отметить также, что в лубочной литературе, как и в фольклоре, отсутствуют такие компоненты литературной системы, как критика и библиография, классика, школьное обучение навыкам восприятия и интерпретации; что тут также нет установки на новизну текста, на новаторство и т.д.). Но и в поэтике лубочной словесности связи с фольклором гораздо сильнее, чем у высокой литературы.

Прежде всего отметим, что значительная часть лубочных изданий представляет собой *печатную фиксацию фольклорных текстов*, прежде всего сказок (любопытно, что в крестьянском быту было принято все лубочные книги, кроме духовных изданий, именовать сказками). Широко были представлены тут также анекдоты и народные песни, попадали в лубок и былины, легенды, предания. Чаще всего лубочные издатели брали тексты из изданий, осуществленных ранее на более высоких «этажах» литературной системы, из книг, подготовленных специалистами или элитарными литераторами. Но нередки были случаи, когда лубочные писатели сами записывали фольклорные тексты либо запечатлевали то, что довелось услышать в детстве и юности. Эти книги, совершенно игнорируемые фольклористами, могли бы послужить источником

ценного материала для научного исследования. Назову в качестве примера книги Сергея Любецкого «Танька, разбойница ростокинская, или Царские терема. Историческая повесть XVIII столетия. С песнями, обрядами и празднествами тогдашнего быта. Из преданий русской старины» (М., 1834; вышла под псевдонимом Сергей ...кий), Александра Протопопова «Черный

гроб, или Кровавая звезда. Поверье XVIII века» (М., 1835; издано под псевдонимом Александр П.т.п.п.в), Петра Голоты «Иван Мазепа. Исторический роман, взятый из народных преданий» (М., 1832), Ивана Крылова «Старинные и чудные приключения отставного солдата Архипа Сергеевича. Старинное русское предание, рассказанное И.З. Крыловым» (М.,

1844), Федота Кузмичева «Дочь разбойница, или Любовник в бочке. Народное предание времен Бориса Годунова» (М., 1839), Александра Павлова «Крамольники, исторический роман из времен Петра Великого» (М., 1838; автор ссылается на предания, которые ему довелось слышать), Александра Чуровского «Ведьма, или Страшные ночи за Днепром. Русский роман, взятый из народного предания» (М., 1834). Василий Потапов в предисловии к книге «Новые анекдоты батюшки великого Суворова, или Некоторые черты из жизни знаменитого генералиссимуса, избранные В.Ф. Потаповым» (М., 1846) утверждал, что сам собрал и записал эти анекдоты. Анализ текстов лубочных книг показывает их близость фольклору в эстетическом плане, прежде всего по жанру. Среди лубочных изданий очень много сказок (Иван Ваненко «Сказки русские» (М., 1838), «Солдат Яшка» (М., 1857); Василий Потапов «Алеша Попович, или Киевские ведьмы на Шабаше» (М., 1848), «Сказка об Ивашке, белой рубашке...» (М., 1848), «Мальчик с пальчик, или Мал золотник, да дорог» (М., 1862); Михаил Евстигнеев «Непобедимый витязь» (М., 1869); Иван Ивин «Сказка о Иуде Беззаконном» (М., 1879), «Сказка о

Тип читателей лубочной литературы в социокультурной структуре общества занимает промежуточное место между фольклорной аудиторией и читателями более высоких «этажей» литературы. Они уже перешли от устной к письменной коммуникации, но еще в значительной степени сохраняют нормы и стандарты фольклорной эстетики.

царевиче и 7 волшебниках» (М., 1880); Валентин Волгин «Чародей и рыцарь» (М., 1886) и др.); исторических преданий (Василий Потапов «Андрей Бесстрашный, инвалид Петра Великого, или За богом молитва, а за царем служба не пропадет!» (М., 1867); Николай Пазухин «Купец Иголкин и его подвиг» (М., 1888); К.К. Голохвастов «Предание о том, как солдат спас Петра Великого от разбойников» (СПб., 1904) и др.), сборников анекдотов.

Нередко фольклорный текст дает сюжетную канву лубочному литератору либо, напротив, вставляется в произведение в качестве инкрустации (песни, поговорки и др.). Стоит отметить, что очень часто в качестве названий лубочных книг использовались поговорки. Вот, например, как были озаглавлены несколько книг, вышедших в 1892 г.: «Бабушка Марфа, или за Богом молитва, а за царем служба не пропадет», «Бойся не бойся, а судьбы не миновать», «Не в деньгах счастье», «Гром не грянет — мужик не перекрестится, или Вразумление Бога», «Андрей-ротозей, или Дашь себе волю, спустишь и отцовскую долю». В поэтических текстах лубочной литературы нередко были употребления стандартных фольклорных формул и «народного стиха». Таков, например, зачин сказки В. Потапова «Кот в сапогах»:

*То бывало в годы прежние,
Когда жили не по-нашему;
Тогда реки все сытой текли,
Берега были кисельные,
Люди правдой жили более,
Обман знали понаслышке лишь...»¹⁹*

Связь фольклора и лубка не была однонаправленной. Существует немало данных и об обратном процессе, когда сюжеты и персонажи лубочных книг уходили в фольклор. Вот характерное свидетельство (1888 г.) сельского учителя, который утверждал, что «прочитанная сказка очень часто передается друг другу устно; нередко услышите книжную сказку из уст крестьянина неграмотного, а также в неграмотной семье от детей, которые слышали ее от соседнего грамотного мальчика»²⁰. Фольклористы записывали от респондентов фольклорные варианты популярных лубочных

книг о Бове Королевиче, Еруслане Лазаревиче, Милорде Георге, «Битве русских с кабардинцами» и др. Причем «в одних случаях это просто пересказ прочитанного грамотным исполнителем, знакомым с лубочной книжкой, в других случаях — в устах сказочника, воспринявшего сюжеты уже из устной традиции, присутствует в той или иной степени творческое переосмысление сюжета»²¹. Тот факт, что многие характеристики, которые в оппозиции фольклор / литература считались принадлежащими только фольклору (устность, вариативность текстов, их анонимность и т.д.), вполне органичны для литературы лубочной, заставляет подвергнуть пересмотру привычные определения²².

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что лубочная литература занимала промежуточную позицию между фольклором и собственно литературой: она уже перестала быть фольклором, но еще не стала литературой в подлинном смысле этого слова. Этот вывод не следует интерпретировать так, будто лубочная литература была посредником между фольклором и высокой литературой, хотя в отдельных случаях она действительно выступала в этой роли. Речь идет о другом: тип читателей лубочной литературы в социокультурной структуре общества занимает промежуточное место между фольклорной аудиторией и читателями более высоких «этажей» литературы. Они уже перешли от устной коммуникации к письменной, но еще в значительной степени сохраняют нормы и стандарты фольклорной эстетики. Педагог и историк литературы М.Ф. Де-Пуле более 100 лет назад справедливо писал о том, что распространение грамотности и просвещения нанесло удар устной народной словесности, но она «не вымерла, а нашла себе оригинальный исход, с одной стороны, в лубочной, а с другой, в раскольничьей литературе. И та и другая, как известно, хотя не представляют нормального перехода из непосредственной народной словесности в искусственную, но однако же переход этот все-таки естественнее, чем скачок, который сделала наша литература от произведений XVII века прямо к сочинениям Ломоносова»²³.

Примечания

¹ См., напр.: *Пытин А. Н.* Литературная история старинных повестей и сказок русских. СПб., 1858; *Буслаев Ф. И.* О народной поэзии в древнерусской литературе. М., 1895; *Веселовский А. Н.* Заметки по литературе и народной словесности. Киев, 1896; *Трубицын Н.* О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. СПб., 1912; *Азадовский М. К.* Литература и фольклор. Л., 1938; *Елеонский С. Ф.* Литература и народное творчество. М., 1956; *Русская литература и фольклор.* Т. 1—3. Л., 1970—1982; *Медриш Д. Н.* Литература и фольклорная традиция. Саратов, 1980; *Жукас С. В.* О соотношении фольклора и литературы // *Фольклор. Поэтика и традиция.* 1981. М., 1982. С. 8—20.

² *Новикова А. М., Александрова Е. А.* Фольклор и литература: Семинарий. М., 1978. С. 5.

³ *Далгат У. Б.* Литература и фольклор: Теоретические аспекты. М., 1981. С. 8.

⁴ *Русский фольклор: Библиогр. указатель.* 1981—1985 / Сост. Т. Г. Иванова. СПб., 1993. С. 372—412.

⁵ См., напр.: *Русская литература и фольклор (Вторая половина XIX в.).* Л., 1982; *Михнюкевич В. А.* Проблемы изучения фольклоризма Ф. М. Достоевского // *Проблемы творчества Ф. М. Достоевского: Поэтика и традиции.* Тюмень, 1982. С. 37—46; *Прийма Ф. Я.* К характеристике фольклоризма Н. А. Некрасова // *Рус. литература.* 1981. № 2. С. 76—91; *Смолицкий В. Г.* Пословицы и поговорки в творчестве А. С. Пушкина // *Проблемы взаимосвязи литературы и фольклора.* Воронеж, 1984. С. 19—25; *Грякалова Н. Ю.* Фольклорные традиции в поэзии Анны Ахматовой // *Рус. литература.* 1982. № 1. С. 47—63; *Гончаров Б. П.* О народных истоках рифмы Маяковского // *Рус. литература.* 1983. № 2. С. 35—54; *Матвейчук Н. Ф.* В творческой мастерской М. Горького: (работа над фольклором). Львов, 1982; *Пудалова Л. А.* Проза Всеволода Иванова и фольклор. Томск, 1984.

⁶ См., напр.: *Душечкина Е. В.* К вопросу об истоках и традиции русского святочного рассказа // *Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII—XX вв.: Тез. науч. конф.* Таллин, 1985. С. 41—44; *Лупанова И. П.* Иванушка-дурачок в русской литературной сказке XIX века // *Русская литература и фольклорная традиция.* Волгоград, 1983. С. 16—36; *Новикова А. М.* Русская поэзия XVIII — первой половины XIX в. и народная песня. М., 1982; *Бритиков А. Ф.* Научная фантастика, фольклор и мифология // *Рус. литература.* 1984. № 3. С. 55—74.

⁷ *Душечкина Е. В.* Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб., 1995. С. 246.

⁸ Там же. С. 228—229.

⁹ *Ан-ский С. А.* [Раппопорт С. А.] Очерки народной литературы. СПб., 1894. С. 31—48; *Блюм А. В.* Русская лубочная книга второй половины XIX

века // *Книга: Исследования и материалы.* Сб. 62. М., 1981. С. 94—114; *Ивин И.* О народно-лубочной литературе // *Рус. обозрение.* 1893. № 9, 10; *Кузьмина В. Д.* Рыцарский роман на Руси. М., 1964; *Лубочная книга / Сост., вступ. ст., коммент. А. И. Рейтблата.* М., 1990; *Пругавин А. С.* Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. СПб., 1895; *Пушкарев Л. Н.* Сказка о Еруслане Лазаревиче. М., 1980; *Сперанский М. Н.* Лубочная литература // *Энциклопедический словарь бр. Гранат.* 1914. Т. 27. Стлб. 416—420; *Brooks J.* When Russia learned to read: Literary and Popular Literature, 1861—1917. Princeton, 1985.

¹⁰ Цит. по: *Лубочная книга.* М., 1990. С. 16.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 358. К. 5. Ед. хр. 18. Л. 11.

¹² Там же. С. 353.

¹³ *Петров М. П.* Мои воспоминания // *Ушедшая Москва. Воспоминания современников о Москве второй половины XIX в.* / Подг. текста, предисл. и примеч. Н. С. Ашукина. М., 1964. С. 383.

¹⁴ *История о храбром рыцаре Францыле Венциане... С некоторыми изменениями рассказанная Ф. Исасевым.* М., 1861. С. 5.

¹⁵ *Сказка об Илье Муромце, рассказанная Ф. Исасевым.* М., 1864. С. 54.

¹⁶ *Жирмунский В. М.* Проблема фольклора // *Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности.* Л., 1934. С. 201.

¹⁷ См.: *Кузьмина В. Д.* Рыцарский роман на Руси; *Пушкарев Л. Н.* Сказка о Еруслане Лазаревиче.

¹⁸ См.: *Ежегодник: Опыт обзора книг для народного чтения и народных картин.* 1893. М., 1895.

¹⁹ *Потапов В.* Кот в сапогах. М., 1852. С. 10.

²⁰ ОР РГБ. Ф. 358. К. 6. Ед. хр. 7. Л. 9.

²¹ *Иванова Н. Б.* Анекдоты о Шуте Балакиреве в лубочной литературе и фольклоре // *Фольклор народов РСФСР.* [Вып. 5]. Уфа, 1978. С. 98. О влиянии лубочной книги на фольклор см. также: *Азадовский М. К.* Беседы собирателя. Иркутск, 1924. С. 11; *Корепова К. Е.* Сказочный сюжет «муж ищет исчезнувшую жену» в русской лубочной книге // *Вопросы сюжета и композиции.* Горький, 1985. С. 5—16; *Крупянская В. Ю.* Народная драма «Лодка» // *Славянский фольклор.* М., 1972. С. 258—302; *Савушкина Н. И.* Русская народная драма. М., 1988.

²² С 1998 г., когда эта статья уже была сдана в редакцию, вышли книги К. Е. Кореповой «Русская лубочная сказка» (Нижний Новгород, 1999) и К. А. Богданова «Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности» (СПб., 2001), в которых на материале лубка было подвергнуто убедительной критике разведение фольклора и литературы по разным полюсам оппозиции *устное / письменное.*

²³ *Де-Пуле М. Ф.* Несколько слов по поводу народной педагогической литературы и народного образования // *Вилениский вестник.* 1866. № 133.